

Дети войны

Цикл рассказов

Часть третья

В годы войны каждый ребенок совершил свой подвиг – несмотря на голод и страх, дети продолжали учиться, помогали раненым в госпиталях, отправляли посылки на фронт, работали в полях

Поймаем Гитлера и повесим его на дереве

Я родилась 21 октября 1928 года. Мой отец, Сергей Иванович Беляев, 1888 года рождения, уроженец села Пески Можайского уезда Московской губернии, вырос в семье псаломщика. Свое детство я помню с тех пор, как переехал в Рождествено, когда в 1932 году отец был назначен настоятелем храма Рождества Христова. Жили мы в церковной сторожке. В центре участка стояла красивая церковь с высокой колокольней. Весь участок был обнесен высокой оградой из красного кирпича с мощной чугунной решеткой.

Наступили страшные времена. Церкви закрывались, священников арестовывали и ссылались. Родители очень волновались, прислушивались по ночам к каждому звуку, а часто и вовсе не спали. Пришел и наш черед. Я очень хорошо помню ту страшную ноябрьскую ночь. Раздался страшный стук в дверь. Я проснулась и очень испугалась. В комнату вошли три человека, один из которых был в военной форме, а двое – в штатском. Они ходили по комнате, заглядывали во все углы, что-то искали. Потом отец оделся, попрощался с нами, и они все ушли.

Для нас настали очень трудные времена. Мать нигде не принимали на работу, так как отца по решению суда считали врагом народа. Мы просто остались без средств к существованию. Через некоторое время маме, наконец, удалось устроиться посудомойщицей. Какое-то время мы еще прожили в нашей сторожке, потом нас с матерью взяла к себе Полина Плотницкая, которая жила в Снегирях.

Началась Великая Отечественная война. Был прекрасный солнечный день, мы с ребятами гуляли на улице. В 12 часов по радио было передано сообщение Молотова. Взрослые сразу зарыдали, а мы, дети, бегали и кричали, что поймаем Гитлера и повесим его на дереве.

*Будущий священник
Сергей Иванович Беляев
с супругой Софьей Васильевной,
урожденной Сперанской*

Поймаем Гитлера и повесим его на дереве

Фашисты быстро продвигались к Москве, каждую ночь над ними в небе появлялись вражеские бомбардировщики, летавшие бомбить Москву. Ночи мы проводили в бомбоубежище, которое вырыли сами. В конце октября занятия в школе прекратились, фронт приблизился к Снегирям. Мимо нас проходили раненые бойцы, которые рассказывали о фашистских зверствах и советовали немедленно эвакуироваться.

Наконец, мать решила уехать. Взяла простой мешок, в уголки положила камешки, связала веревкой, получился рюкзак. Положила в него несколько икон, смену белья, документы, еще какие то вещи и мы отправились в дорогу к маминой сестре в Люберцы. Уезжали с последним поездом. Поезд был переполнен, мы еле-еле забрались в тамбур. Народ висел на подножках, даже все крыши вагонов были заполнены людьми. Только поезд тронулся, сразу же попал под обстрел с воздуха. Было очень страшно, но мы благополучно добрались до Москвы. На одну ночь мы с матерью остановились у моей старшей сестры Лизы, так как Москва была закрытым городом, без специальных документов находиться было нельзя. А на другой день добрались до поселка Котельники. Там я продолжила учебу в 5 классе.

В апреле 1942 года мы вернулись к тете Поле в Снегири. Было очень голодно, ходили по полям и из-под снега выкапывали мороженую картошку, свеклу, морковь, капусту, так как овощи осенью убрать не успели. Благодаря этим овощам нам удалось выжить. Затем появилась зелень: лебеда, крапива, щавель. В мае вскопали огород, посадили картошку. Сажали под плуг, вместо лошади – я, мать и сестра тети Полины Надя, запрягались, а тетя Полина вставала за плуг и сажала картошку.

Поймаем Гитлера и повесим его на дереве

К концу лета тетю Полину направили на трудовой фронт, назначили бригадиром. Она и меня с собой взяла на работу, ради двух котелков баланды и куска хлеба. Работали мы в Манихине в песчаном карьере. Как только приходил пустой состав, нас сразу же вызывали на работу, простоя не должно было быть. Нужно было обычной штыковой лопатой нагружать в вагон песок. Норма была такая: одна платформа или один вагон на человека, а для меня – половина платформы, вторую половину за меня нагружали все понемногу. Вот я сейчас удивляюсь, как у меня, 14-летней девочки, хватало сил на это? Одета я была в армейскую телогрейку, на голове платок. Все было велико, но главное тепло.

В октябре начались занятия. Наша школа была разрушена во время оккупации, поэтому под школу выделили в заводском клубе три комнаты, коридор, небольшую учительскую, туалет. Путь в учителя матери был закрыт, ей пришлось устроиться уборщицей. Меня устроили второй уборщицей, чтобы получать рабочие карточки. Надо было ежедневно подмести все помещения, зимой истопить три печки, раз в неделю вымыть все полы. Поздней осенью уже по снегу школьники вместе с учителями заготавливали для школы дрова. Зимой мама ежедневно уходила в пять часов утра, чтобы растопить печки, но тепла от них все равно было мало. Многие окна в помещениях были забиты фанерой, на уроках зимой приходилось сидеть в пальто.

Мать работала, я работала и училась. Но в феврале 1943 года мать простудилась и заболела двухсторонним воспалением легких. Врачи уже не надеялись на ее выздоровление. Тогда телеграммой вызвали сестру Лизу из Москвы, которая достала камфору для уколов. Вот эти уколы и спасли мать. А я тем временем одна продолжала убирать школьные помещения, топить печи и учиться.

Поймаем Гитлера и повесим его на дереве

*Зинаида Сергеевна Беляева.
Рождество. 2005 год*

В обязанности мамы также входило отоваривание хлебных карточек, я должна была получать хлеб для учителей по карточкам. Но однажды, когда я раздала учителям хлеб и отдала все карточки, преподаватель немецкого языка сказала, что я не вернула ей карточку, и мне пришлось отдать свою. После выздоровления матери я рассказала ей о случае со своей хлебной карточкой. Она поговорила с продавщицей, которая и сообщила, что эта учительница немецкого языка приходила получать хлеб по второй карточке. Директор школы узнала об этом сообщила в РОНО, учительницу уволили.

Так я закончила 7 класс в 1944 году, и мы переехали в Москву к моей сестре Лизе. Вначале у ее мужа была бронь, потом ее сняли и его отправили на фронт. Лиза осталась беременная и 26 июля родила сына Володю, которого отец не видел два года. Лиза добилась разрешения прописать мать и меня, так как она была жена фронтовика с грудным ребенком на руках. Днем мать занималась с Володей, а Лиза работала, а ночью наоборот. Я тоже хотела пойти работать, но Лиза разрешила мне учиться. Ни ей, ни старшему брату Евгению выучиться не удалось, так она говорила, что хоть я смогу получить образование и специальность. В 1947 году я закончила педагогическое училище и приступила к работе в школе. Проработала в начальной школе почти 40 лет. Была награждена значком «Отличник просвещения»

Вставай! Война кончилась!

Моя бабушка, Надежда Ивановна Марначева (в девичестве Лебедева) родилась 8 апреля 1925 года в Башкирии в городе Давлеканово. Отец ее – уроженец Самарской губернии, дворянин и офицер, физик, директор школы, а мать москвичка, выпускница института благородных девиц, учитель математики. Волей судьбы и революционных катаклизмов оба родителя были занесены в Давлеканово, познакомились и поженились.

В семье было трое ребятишек, моя бабушка была самой младшей. Трудности начались еще до начала войны, когда в 1939 году от сердечного приступа умер отец. Несмотря на это, бабушка вспоминала: «Мы не ощущали тяжести, потому как люди помогали друг другу. Общество только оправилось от революций и голода, в магазинах появились продукты».

22 июня 1941 года – лето, каникулы! «После обеда, - рассказывала Надежда Ивановна, - мы собирались поиграть в саду в настольную игру. Тогда не было телевизоров, не в каждом доме было радио Кто-то прибежал и закричал «Война!» И для нас это было слишком неожиданно, не доходило до осознания. Я помню ощущение страха и ужаса.

Девочки-девятиклассницы оканчивали курсы связистов и добровольно уходили на войну. Мой брат поступил в военное училище и сразу после выпуска тоже ушел на фронт» Бабушка по окончании школы послала документы для поступления в Московский Финансовый институт. Из-за военного положения в Москву можно было попасть только по специальному вызову-пропуску. Получив его, 18-летняя Надежда уехала в Москву, учиться на экономиста международных банковских расчетов.

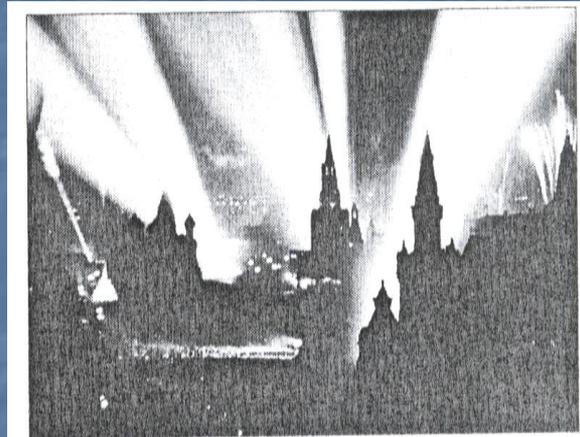

*Надежда Ивановна
Марначева*

Вставай! Война кончилась!

На тот момент бомбежек в Москве уже не было, еду получали по карточкам, ждали новостей с фронта. Вернулся с фронта брат, потеряв ногу. Надежда жила в общежитии, которое организовали в бывшей банковской конторе за ГУМом. Из окон общежития было видно Кремль, поэтому юная студентка стала очевидцем событий, которые происходили на главной площади страны в ночь, когда объявлено об окончании войны. Они вернулись в общежитие из театра поздно, легли спать. В три ночи бабушку разбудили подруги с криками: «Вставай! Война кончилась!» девчонки прыгали по кроватям, кто-то закричал «Побежали на Красную площадь! Несмотря на раннее утро, вся площадь уже была полна народу. Люди радовались, обнимались, целовались. Людей в военной форме подбрасывали в воздух, творилось нечто невообразимое: «Это сложно описать словами. До сих пор помню, в груди сохранилось это чувство счастья, что война кончилась».

Сейчас у каждого есть телефон, интернет, доступ к любой информации. Живя в этом изобилии, начинаешь забывать, что оказывается, так было не всегда. Воспоминания уходят вместе с людьми. Однажды мне на глаза попалась фотография с подписью : Празднование Победы на Красной площади в Москве, СССР, 9 мая 1945 года. Фейерверки, зенитный огонь и прожекторы освещают небо. Скорей всего в этой толпе стояла моя молодая бабушка-студентка. От этого фотография приобретает для меня особый смысл

*День Победы на Красной площади.
9 мая 1945 года*

Елена Сергеевна Казанцева,
дочь народного художника РФ,
жителя деревни Борзые Сергея Казанцева

«Незачем бояться неба»

Спустя много лет Лидия Михайловна Бушуева до сих пор видит тот вечер в конце 1930-х годов как наяву – люди в черном, машина, крики братьев и стон матери. Через некоторое время пришло извещение, что отец расстрелян как враг народа. Надо было привыкать как то жить без папиной опоры и любви: 14-летняя Лида, хрупкая девчущка, идет работать на Тушинский машиностроительный завод.

Началась война, завод эвакуировали, а вчерашних школьников отправили в деревню Лужки копать противотанковые рвы. Немец бомбил и обстреливал постоянно. «Земля содрогалась, воздух звенел от снарядов, - вспоминала Лидия Михайловна, - мы залегли ни живые, ни мертвые. А сверху еще и листовки летят. Как сейчас помню их текст: «Милые бабоньки, ройте себе ямку». Потом, когда немцев прогнали, долго не могла привыкнуть к мысли, что незачем бояться неба.

Потом девушку направили в Павловскую Слободу, на базу № 38. С 1941 по 1945 год запомнилась Лида ремонтом вооружения, которое поступало с полей сражения. Работала токарем на деревообрабатывающем станке, делала ствольные накладки для винтовок. Рядом трудились такие же молоденькие девушки, сутками не выходили они из цеха. Лидия Михайловна в редкие часы отдыха шила одеяла, за что получала небольшие деньги – на пропитание себе и родным. В 1947 году встретила наша землячка любимого человека, который прошел войну. Вместе с Николаем Георгиевичем они живут уже более 60 лет. Супруг – фронтовик, активный общественник, работает заместителем председателя местного Совета ветеранов.

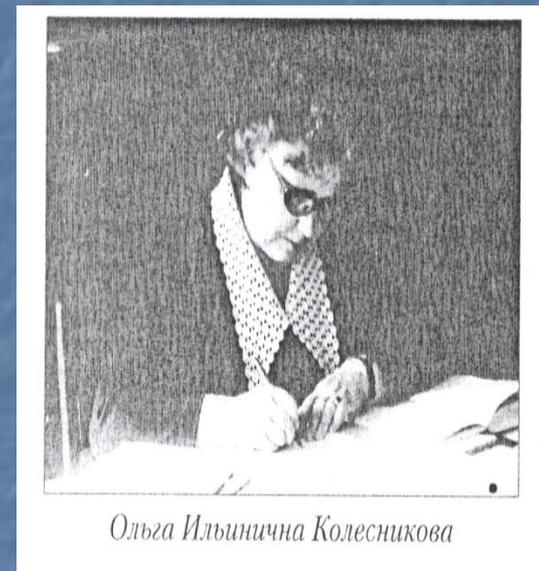
Нина Егоровна Гусева,
заместитель председателя
Истринского районного Совета ветеранов

«Брикеты каши и щи с лебедой»

Я родилась в 1930 году в селе Калдево Рязанской области, ближе к Владимиру – край болот, озер и комаров. Через три года семья переехала в небольшой городок Спас-Клепики. Началась война, мне тогда было всего 11 лет. Местность была почти прифронтовая, нас заставляли копать землянки в огороде, порой приходилось в них ночевать. Над городом часто пролетали самолеты на Тулу, наводя ужас и страх. Линия фронта от нас проходила не очень далеко, через городок проходили наши войска к Туле. К счастью, из-за отсутствия производств, город совсем не бомбили.

Во время войны нас школьников, все время возили на сельскохозяйственные работы в колхоз, то сажать картошку, то выкапывать. Один год на полях выращивали необычное растение коксагыз, из которого руками школьников потом извлекали латекс для изготовления резины. Торф добывали из близлежащих болот. Как и все тогда, голодали, мама работала в местной больнице, иногда приносила крупы сахара, а те минуты жизнь становилась чуть слаще. Спасала корова – возили молоко и творог в Рязань, там продавали на рынке. А стипендия в институте была маленькая, на нее не проживешь. Вспоминаются продукты питания тех лет: конфеты-подушечки, брикеты каши и щи с лебедой.

«Брикеты каши и щи с лебедой»

В 1948 году закончила 10 классов средней школы, поступила в Рязанский учительский двухгодичный институт. Начинала учительствовать в сельской школе, в селе Лопатино, а в ноябре 1956 года переехала с мужем в Павловскую Слободу. Преподавала физику в школе. Классы были по 40 человек – страницы в журнале не хватало на список учеников. Была профориентация в старших классах, приучались к труду дети на ранних стадиях. Работали с удовольствием. У поколения детей войны отношение к труду особое. В такое тяжелое время жили, а вспоминаю с удовольствием – как отдыхали, бегали в парк и в клуб на танцы.

В школе была и председателем месткома, и секретарем партийной организации, и завучем, и, наконец, директором. В 1950-х годах вместе со мной в школе работали Михаил Львович Калининченко, Николай Трифионович Григорьев (замечательный учитель математики), Зоя Ивановна, Петр Сергеевич Тюрин, Татьяна Лещинская. В 1959 году развалилась старая двухэтажная школа: первый этаж кирпичный, второй деревянный – типичный дореволюционный купеческий дом. Были каникулы, никто не пострадал. В 1962 году при директоре Николае Федоровиче Андриенко построили новую двухэтажную школу, в которой дети учились до 2004года.

Ольга Ильинична Колесникова,
жительница села Павловская Слобода

«Немцы были в нашем доме»

Беда пришла в страну, в каждую семью. Пришла она и в семью моих прабабушек, бабушек и дедушек. Мой прадед по материнской линии Петр Иванович Лепешкин и его жена Анна (урожденная Сизова) были родом из села Рождествено. Их предки тоже жили на этой земле, обустраивали, обихаживали ее. Семья Лепешкиных была большая – шесть дочерей и сын. По рассказам моей бабушки Прасковьи Петровны Дудыкиной (урожденной Лепешкиной), до коллективизации жили неплохо, на пропитание добывали своим трудом. Имели большую усадьбу, лошадей, коров, другую живность. Потом почти все передали в колхоз, стало, конечно, труднее. По праздникам ходили в церковь, пекли пироги. Родители работали в колхозе, позже там же (уже в совхозе) трудилась и моя бабушка Прасковья Петровна Дудыкина и ее сестра Вера Петровна Голесова.

Здесь же, в селе Рождествено, настигла их война, а в декабре 1941 года – оккупация. Бабушка и мама Нина Александровна Шилова (урожденная Дудыкина) вспоминали, что немцы были в нашем доме, вели себя надменно, правда, один из них дал маме (тогда ей было 10 лет) конфету. Потом этот «добрый фашист взял из дома ватного деда мороза, привязал к коляске своего мотоцикла и благополучно увез. Может и сейчас этот дед мороз находится в той немецкой семье.

Перед поступлением почти всех жителей Рождествена захватчики собрали вместе и пешком в лютый мороз под конвоем повели в церковь села Дарна. Шли с трудом, сидевших на санках маленьких детей фашисты толкали ногами в снег, поднимать не позволяли. Пробыли они в этой церкви несколько дней, пока их не освободили наши войска. Мама с бабушкой и прабабушкой сильно застудились. Домой возвращались тем же путем в лютый мороз, пришли к «уголькам» - немцы сожгли больше половины домов в Рождествено. Не вынес этого прадед Петр Иванович и вскоре умер.

«Немцы были в нашем доме»

После возвращения в сожженное родное село народ начал восстанавливать жилье и хозяйство. Дед еще не вернулся с фронта, бабушка же, маленькая и хрупкая женщина, опять работала в совхозе, а мама помогала. Снова обихаживали, обустривали, пухли от голода, но построили жилье, которое и по сей день служит нам, их детям. Училась моя мама в Рождественской школе, поступила в первый класс на год раньше положенного возраста, училась она хорошо. Закончила семилетку, предлагали ей учиться и дальше, но она не могла себе этого позволить, надо было помогать семье. Ей приписали в паспорте годы и приняли на Тушинскую чулочную фабрику.

Работала в три смены, всегда была ударником труда. Автобусы до станции Снегири тогда еще не ходили, приходилось добираться в любую погоду пешком. На фабрике нельзя было присесть ни на минуту: огромные станки, только успевай их обслуживать.

Мама отработала более 45 лет, получила звание «Ветеран труда». Великая труженица, она легкой работы не искала, памятуя о невыносимой жизни во время и после войны и не хотела, чтобы мы, ее дети, Марина и Маргарита Шиловы, в чем-либо нуждались.

*Нина Александровна Шилова.
1951 год*

«Детский страх помнится мне до сих пор»

Страх войны не покидает меня всю жизнь, поэтому я, став взрослой, стараюсь видеть в жизни светлые моменты, и, несмотря ни на что, более охотно о них пишу, хотя военная тематика в моем творчестве занимает довольно большое место. А куда от нее деться? Ведь ничего же не забывается. Родилась я в Курской области (ныне это место в составе Белгородской). Когда началась война, мне было чуть более пяти лет. Папу призвали на фронт, провожали мы его всей семьей: я, сестренка, мама с сынишкой на руках, которому было всего 18 дней.

Вскоре мы оказались в оккупации. Вот тогда и обострились наши страхи и беды. В нашем доме поселились фашисты, а нас вытеснили жить на кухню. По всему селу молодые девушки прятались, где только могли, одевались в рваные одежды, мазали лица сажей, чтобы казаться некрасивее и старше. Каждый вечер немцы пили шнапс, веселились и горланили песни. Иногда приходили на кухню уже навеселе и начинали пугать маму пистолетом: «Матка, пух-пух!» Однажды пьяный фашист все-таки выстрелил в нее, но пуля маму не задела, а насквозь пробила стену из кухни в комнату. Иногда вечерами фашисты заводили мотоцикл и гоняли по двору нашу корову-кормилицу. Они смеялись, а мы потихоньку наблюдали в окно и все время плакали. Часто немцы нам повторяли: «Будем уходить, ваш дом сождем!»

Питались оккупанты у нас дома, еду им приносили из полевой кухни. Мы с сестрой терпели голод, а маленький брат плакал, несмотря на все наши уговоры и протесты, рвался к двери просить кушать, за что однажды и поплатился. Зимой его раздетого фашисты просто выкинули на улицу и не давали нам некоторое время забрать брата, но потом все же сжалились. Окоченевшего мальчика мы отогрели и вывели. Некоторые рассказывают, что иногда немцы угощали детей, у нас же ничего подобного за все годы оккупации не было. Враги были бесчеловечными и жестокими.

Позже в селе расположился фашистский госпиталь. В нашем дворе стояла огромная деревянная фура с медикаментами. Каждый раз убитых фашистов приносили в наш сарай, укрывали плащ-палаткой и держали до захоронения. Мама боялась ходить мимо них за дровами и просила, чтобы я шла вместе с ней. А я, жалея ее, подчинялась.

Детский страх помнится мне до сих пор. От оккупации остались в памяти лишь два положительных момента. Однажды очень молодой немец сфотографировал моего плачущего брата и отослал фотографию жене. Он немного говорил по-русски, и рассказал нам потом, что его фру написала в письме: «Иван плачет, Иван хорош!» А второй случай, когда мама ошпарила себе ногу кипятком, немецкий врач дал ей хорошую мазь от ожога, и нога быстро зажила.

Село наше много раз переходило из рук в руки, только летом 1943 года нас окончательно освободили. Этот год для нашей семьи оказался самым трудным. Простудилась и умерла моя бабушка, некому и нечем было ее лечить. А следом умер и наш красавец Ванечка, заболев дифтерией. Мама с тетей понесли его в медпункт, что находился примерно в трех километрах, но на мосту они были остановлены нашими солдатами, которые приказали им немедленно возвращаться, так как начиналось наступление. Брат метался от мамы к тете, так и умер у них на руках.

Но война продолжалась еще долгих два года. Порой над селом пролетали немецкие самолеты, сбрасывая бомбы. Одна из них упала в наш огород, образовав огромную воронку. Были и другие случаи. Как-то раз мама ушла в лес за дровами, вдруг появился немецкий самолет и начал строчить из пулемета. Мы вбежали в сени, сели у двери и только слышали, как пули пробивают крышу и падают рядом с нами, в тазик. Мама в это время лежала в лесу, пули тоже падали вокруг нее, но не задели. Когда стрельба прекратилась, она без дров прибежала домой. Лежала там, а сама думала: «Как мои дети? Живы ли?»

«Детский страх помнится мне до сих пор»

*Анна Григорьевна
Павленко*

«Детский страх помнится мне до сих пор»

После изгнания немцев возобновились работы в колхозе, мама стала работать учетчиком. Уходила – темно, приходила – темно. На нас, детях, был и дом, и все хозяйство, корову я доила с семи лет. Ночами боялись уже своих, так как участились грабежи. Вовремя пойти в школу я не смогла, так как совершенно нечего было надеть. Позже пошла мне портниха пальто из немецкой плащ-палатки, в котором я просто замерзала. Школа у нас была за несколько километров. Тетрадей никаких не было, писали, как и все тогда, на газетах. Мечтой моего детства было иметь цветной карандаш. И еще очень хотелось иметь белый материал, чтобы пошить куклу, пусть не всю беленькую, а хотя бы личико. Кушать хотелось всегда, из-за голода долго не могли уснуть, да и рано просыпались, ожидая когда сварят картошку. Хлеба не было всю войну. Из сладкого была только сахарная свекла.

День Победы я встречала в школе, помню как все кричали «Ура!» Папа, слава Богу, остался жив. Всю войну он был сапером, ходил на волосок от смерти. Однажды при наступлении был ранен, пуля стесала половину брови. Но домой он приехал только в конце 1946 года. Его после войны оставили служить в Германии, откуда он присылал нам денежные переводы и посылки. А потом он увез нас в Германию. Только тогда мы наелись и попробовали продукты, которых в деревне никогда не было. Нас поражала чистота и немецкая аккуратность во всем. С жителями установились хорошие отношения, многие немцы осуждали Гитлера.

«Ребятки все время ждут тебя»

Я родилась в Павловской Слободе в 1945 году. Моя мать, Людмила Моисеевна Петрова (Глазкова), также уроженка этого села, с 1941 по 1943 год с матерью и двумя детьми находилась в эвакуации в Куйбышевской области, где работала счетоводом в одном из колхозов. В это время мой отец, Виктор Семенович Петров, воевал, в составе войск II Белорусского фронта дошел до Берлина. В годы войны был удостоен ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени и ордена Красного Знамени. А в мирное послевоенное время его наградили золотой звездой Героя социалистического труда и орденом Ленина.

В семейном архиве сохранилась переписка родителей в годы войны. Все их письма друг другу были пропитаны любовью и заботой друг о друге. В письме из Москвы на фронт от 20 мая 1945 года мама писала уже и обо мне, называя меня Леличкой: «Здравствуй, дорогой мой Витюшенька! Когда же, наконец, мы дождемся тебя? Ты соскучился о нас, а мы еще больше о тебе скучаем, ребятки все время ждут тебя. Второй год пошел, как ты уехал от нас, и не увидишь как Леличка вырастет, она и так уже большая стала. Алик кончил учебу, перешел в 3 класс. Но как еще не знаю, так как табеля им еще не завели. Посылку от 21 марта я получила. Большое тебе спасибо, нам ведь сейчас каждая вещь дорога».

Ольга Волкова с родителями

Ольга Викторовна Волкова,
жительница села Павловская Слобода

Во дворе дома стояли зенитные установки

Я родился в 1942 году в Павловской Слободе. Жили без отца, в семье были пятеро детей. Дом стоял напротив нынешнего мемориала погибшим воинам в центре села. Сейчас на месте нашего бывшего дома центральная площадь села. Из детства вспоминаются отдельные фрагменты, некоторые из рассказов очевидцев. Во время войны Благовещенскую церковь в Павловской Слободе маскировали, накрывая брезентом, чтобы она не служила ориентиром для авиационных налетах на военную базу, которая являлась важной целью фашистов. У нас во дворе дома стояли зенитные установки, из которых стреляли по немецким самолетам. Через речку, напротив новой школы, левее геодезической вышки располагалось подразделение реактивных минометов «Катюши», наводившее ужас на фашистов.

Мама тогда работала в кочегарке на военной базе в Павловской Слободе, и я там лазил с малых лет, спал в деревянных ящиках. Нашел лаз в подземный ход, который вел из полковой церкви на базе (не сохранилась) в сельскую церковь. Обе церкви, конечно же, к тому времени были уже закрыты. Мы там лазили с ребятами, находили иконы. Потом вход в этот лаз со стороны базы заварили.

В нашей семье огорода практически не было, поэтому основной заботой детей были заготовки на зиму. Ходили на поля (возле нынешнего предприятия «Велком») собирать остатки после сбора урожая – капустные листья, картошку, свеклу. Собирали грибы, ягоды, засаливали в бочки, тем и спасались. За грибами и ягодами ходили по дороге на Звенигород (ее еще по старинке называли «Царская дорога»), она служила нам ориентиром, чтобы не заблудиться.

В семь лет пошел в школу, затем в техническое училище в Тушино, одновременно работал на заводе. Затем служил в армии, а сейчас занимаюсь общественной работой в ветеранской организации сельского поселения Павло-Слободское.

Владимир Иванович Кутепов,
житель села Павловская Слобода

Мои соседи – дядя Леша, дядя Сеня –
Простые люди непростой судьбы.
Они застигли тягостное время,
Фашисты были близко – час ходьбы.
Они сражались и дожили до победы.
Сражались в небе и на матушке-земле,
Послевоенные расхлебывали беды –
Казалось, было все не так в стране.
Страна страдала, возрождая села,
И города не в силах прокормить.
А тут война холодная, и снова
Сражаться надо, чтобы просто жить.
Сражаться у станка, слезясь от стружки,
Следя за плугом в глинистой земле,
Вонзая в космос искрометные игрушки,
И строить много и тебе, и мне.
Давно в земле их бранные останки.
Соседи не являются во сне.
Поверьте мне, поверьте без обманки,
Чем старше мы, тем ближе к той войне...

Николай Дельнов,
житель деревни Исаково

С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра
(с использованием материалов Сергея Юрьевича Мамаева)